

Зиночка — эпизод 1 из 2

Компания охотников ночевала в мужицкой избе на свежем сене. В окна глядела луна, на улице грустно пиликала гармоника, сено издавало приторный, слегка возбуждающий запах. Охотники говорили о собаках, о женщинах, о первой любви, о бекасах. После того как были перебраны косточки всех знакомых барынь и была рассказана сотня анекдотов, самый толстый из охотников, похожий в потемках на копну сена и говоривший густым штаб-офицерским басом, громко зевнул и сказал:

Не велика штука быть любимым: барыни на то и созданы, чтоб любить нашего брата. А вот, господа, был ли кто-нибудь из вас ненавидим, ненавидим страстно, бешено? Не наблюдал ли кто-нибудь из вас восторгов ненависти? А? Ответа не последовало.

Никто, господа? спросил штаб-офицерский бас. А вот я был ненавидим, ненавидим хорошенькой девушкой и на себе самом мог изучить симптомы первой ненависти. Первой, господа, потому что то было нечто как раз противоположное первой любви. Впрочем, то, что я сейчас расскажу, происходило, когда я еще ничего не смыслил ни в любви, ни в ненависти. Мне было тогда лет восемь, но это не беда: тут, господа, важен не он, а она. Ну-с, прошу внимания. В один прекрасный летний вечер, перед заходом солнца, я и моя гувернантка Зиночка, очень милое и поэтическое создание, незадолго перед тем выпущенное из института, сидели в детской и занимались. Зиночка рассеянно глядела в окно и говорила:

Так. Мы вдыхаем кислород. Теперь скажите мне, Петя, что мы выдыхаем? Углекислоту, отвечал я, глядя в то же окно.

Так, соглашалась Зиночка. Растения же наоборот: вдыхают углекислоту и выдыхают кислород. Углекислота содержится в сельтерской воде и в самоварном угаре... Это очень вредный газ. Близ Неаполя есть так называемая Собачья пещера, содержащая в себе углекислоту; пущенная в нее собака задыхается и умирает.

Эта несчастная Собачья пещера близ Неаполя составляет химическую мудрость, дальше которой не решится шагнуть ни одна гувернантка. Зиночка всегда горячо отстаивала пользу естественных наук, но едва ли знала по химии еще что-нибудь, кроме этой пещеры.

Ну-с, она приказала повторить. Я повторил. Она спросила, что такое горизонт. Я ответил. А на дворе в это время, пока мы жевали горизонт да пещеру, мой отец собирался на охоту. Собаки были, пристяжные нетерпеливо переминались с ноги на ногу и кокетничали с кучерами, лакеи начинали

тарантас кульками и всякой всячиной. Возле тарантаса стояла линейка, в которую садились мать и сестры, чтобы ехать к Иваницким на именины. Дома оставались только я, Зиночка да мой старший брат студент, у которого болели зубы. Можете представить мою зависть и скуку!

Так что же мы вдыхаем? спросила Зиночка, глядя в окно.

Кислород...

Да, а горизонтом называется место, где, как нам кажется, земля сходится с небом...

Но вот тронулся тарантас, за ним линейка... Я видел, как Зиночка вытащила из кармана какую-то записочку, судорожно скомкала ее и прижала к виску, потом вспыхнула и поглядела на часы.

Так помните же, сказала она, близ Неаполя есть так называемая Собачья пещера... она опять взглянула на часы и продолжала: где, как нам кажется, небо сходится с землею...

Бедняжка в сильном волнении прошла по комнате и еще раз взглянула на часы. До конца нашего урока оставалось еще более получаса.

Теперь арифметика, сказала она, тяжело дыша и перелистывая дрожащей рукой задачник. Вот решите задачу 325, а я... сейчас приду...

Она вышла. Я слышал, как она спорхнула вниз по лестнице, и затем видел в окно, как ее голубое платье, промелькнув через двор, исчезло в садовой калитке. Быстрота ее движений, краска ланит и волнение заинтриговали меня. Куда она побежала и зачем? Будучи умен не по летам, я скоро сообразил и понял всё; она побежала в сад затем, чтобы, пользуясь отсутствием моих строгих родителей, забраться в малинник или же нарвать себе черешень! Когда так, и я же, чёрт возьми, пойду есть черешни! Бросил я задачник и побежал в сад. Подбегаю к черешням, но ее уже там нет. Миновав малинник, крыжовник, шалаш сторожа, она через огород идет к пруду, бледная, вздрагивающая от малейшего шума. Я крадусь за ней и вижу, господи, следующее. На берегу пруда, между толстыми стволами двух старых верб, стоит мой старший брат Саша; по его лицу незаметно, чтобы у него болели зубы. Он смотрит навстречу Зиночке, и вся его фигура, как солнцем, озарена выражением счастья. А Зиночка, точно ее гонят в Собачью пещеру и заставляют дышать углекислотой, идет к нему, едва двигая ногами, тяжело дыша и закинув назад голову... По всему видно, что на randevу она идет первый раз в жизни. Но вот она подходит... Полминуты они молча глядят друг на друга и как будто не верят своим глазам. Засим какая-то сила толкает Зиночку в спину, она кладет руки на плечи Саши и склоняет свою головку на его жилетку. Саша смеется, бормочет что-то несвязное и с неуклюжестью очень влюбленного человека кладет обе свои ладони на Зиночкину физиомордию. А погода, господи, чудесная... Бугор, за которым прячется

солнце, две вербы, зеленые берега, небо всё это вместе с Сашей и Зиной отражается в пруде. Тишина, можете себе представить. Над осокой золотятся миллионы мотыльков с длинными усиками, за садом гонят стадо. Одним словом, хоть картину рисуй.

Из всего виденного я понял только то, что Саша целовался с Зиной. Это неприлично. Если узнает папа, то обоим достанется. Чувствуя, что мне почему-то стыдно, я ушел к себе в детскую, не дожидаясь конца randevu. Потом я сидел над задачкой, думал и соображал. По моей роже плавала победоносная улыбка. С одной стороны, приятно быть владельцем чужой тайны, с другой тоже весьма приятно сознавать, что такие авторитеты, как Саша и Зина, во всякую минуту могут быть уличены мною в незнании светских приличий.